

МЕЖДУНАРОДНАЯ УНИФИКАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА

Андрей Колесинский

Бурное развитие лизинга в отдельных государствах не могло не привести к его распространению на международной арене. Этот процесс поставил естественный вопрос о создании правовой основы международной лизинговой деятельности. В 1974 г. в Риме в Международном институте по унификации частного права UNIDROIT создается рабочая группа экспертов, целью которой становится создание Соглашения, или Конвенции по унификации и гармонизации национальных законодательств в области международной лизинговой деятельности. Вторая сессия группы состоялась только в феврале 1979 г. Пять лет потребовалось международным экспертам, чтобы собрать материалы о практике лизинга в различных странах, о национальных законодательных базах, составить мнение о правовой и юридической природе лизинга для изучения, классификации и создания проекта единообразных правил. Третья сессия в октябре 1980 г. обсуждала в основном концептуальный вопрос о том, какое соглашение о лизинге нужно считать международным, какие факторы будут являться определяющими в этом вопросе и какие сделки (исходя из их предмета) будут регулироваться будущей Конвенцией. За базовые элементы были приняты местонахождение лизингодателя и лизингополучателя. Их пребывание в разных странах должно было явиться основанием для признания сделки международной. Местонахождение поставщика в данном случае считается второстепенным, поскольку основу лизинга все же составляет договор между лизингодателем и пользователем. В отношении предмета регулирования авторы проекта с самого начала работы исходили из признания лизинга трехсторонней сделкой *sui generis* (особого рода), являющейся самостоятельным правовым институтом¹.

Уже после первых месяцев работы над проектом Конвенции стало ясно, что создать документ прямого действия невозможно. Он должен был содержать общий контур, дополняемый по усмотрению участников сделки и в зависимости от конкретных условий. Разработчики полагали, что будущие унифицированные нормы будут не только регулировать сделки по международному лизингу, но и служить основой национального лизингового законодательства в различных странах. Об уровне подготовки документа говорит тот факт, что кроме экспертов из Италии, Венгрии, Франции, Соединенного Королевства, Швейцарии и других стран в работе принимали участие Европейская федерация лизинговых компаний (LeasEgore), Гаагская конференция по международному частному праву, Банковская федерация Европейского сообщества, Организация по экономическому сотрудничеству и развитию. В мае 1981 г. в Нью-Йорке проект документа о международном лизинге рассматривался совместно с Американским институтом права и Американской ассоциацией адвокатов в контексте унификации права, регулирующего международный лизинг. Был проведен симпозиум на тему "Унификация права, регулирующего международный лизинг оборудования". В ноябре того же года аналогич-

ный симпозиум был проведен в Цюрихе совместно с Обществом промышленного лизинга.

По мере завершения работ над проектом документа в марте 1984 г. на четвертой сессии рабочей группы UNIDROIT было решено повысить статус разработки и создать Комитет правительственных экспертов для завершения работы. Комитету пришлось созывать три сессии (в 1985, 1986 и 1987 гг., Рим), на которых был окончательно разработан текст документа. 28 мая 1988 г., через 14 лет после начала работ, в Оттаве на дипломатической конференции (принимали участие представители 55 стран, в том числе СССР) был представлен и принят окончательный текст Конвенции о международной финансовой аренде (лизинге). Так завершилась многолетняя работа над Конвенцией². Республика Беларусь присоединилась к Конвенции без каких-либо оговорок 2 июля 1998 г. (Указ Президента Республики Беларусь № 352 "О присоединении Республики Беларусь к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге"³). Авторы Конвенции определили, что успешное правовое регулирование международного лизинга может осуществляться только в случае:

— признания лизинга самостоятельным правовым институтом, а не разновидностью какого-либо уже существующего;

— рассмотрения двух контрактов — купли-продажи и непосредственного лизинга — как единой трехсторонней сделки.

Желание подогнать лизинг под один из известных правовых институтов приводило к неразрешимым противоречиям, а признание его самостоятельной трехсторонней сделкой позволяет обеспечить реализацию прав всех участников сделки и надлежащее исполнение ими своих обязанностей.

Необходимо отметить два принципиальных момента, из которых исходили авторы. Первый — определяющую роль пользователя как инициатора всей сделки: он выбирает оборудование, поставщика и несет практически все риски собственника, не являясь таковым юридически. Активной роли пользователя соответствует пассивная роль лизингодателя, чье участие в сделке сведено к финансированию. Второй — срок договора лизинга должен позволить лизингодателю вернуть свои капиталовложения в оборудование, т. е. срок договора должен приблизительно равняться сроку амортизации оборудования.

Конвенция разрабатывалась с учетом существующего законодательства различных правовых систем с той целью, чтобы сама Конвенция могла быть взята за основу формирования национального лизингового законодательства. Это обстоятельство удерживало авторов Конвенции от использования правовых терминов и понятий, характерных для какой-либо одной правовой системы. При присоединении к Конвенции любому государству разрешается сделать заявление о замене статей 8 и 13 положениями своего законодательства⁴.

Для полного представления о том, каким образом происходила подготовка Конвенции, представляется интересным сравнить варианты проекта и особенности

Колесинский Андрей Войтехович — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

разработки отдельных ее положений с окончательным текстом. В преамбуле Конвенции говорится:

"Государства — участники настоящей Конвенции, признавая важность устранения определенных правовых препятствий в отношении международного финансового лизинга оборудования, одновременно поддерживая справедливое равновесие между интересами различных сторон сделки,

отдавая себе отчет в необходимости сделать международный финансовый лизинг более доступным, сознавая тот факт, что правовые нормы, регулирующие традиционный договор аренды, нуждаются в адаптации к самостоятельным трехсторонним отношениям, возникающим из сделки финансового лизинга,

признавая поэтому желательность формулирования определенных единообразных норм, относящихся в первую очередь к гражданско-правовым и торгово-правовым аспектам международного финансового лизинга,

*договорились о нижеследующем..."*⁵

Авторы Конвенции подчеркнули то, что унификация всех аспектов лизинга невозможна и что они стремятся к правовому регулированию лишь основных элементов лизинга. В третьем пункте преамбулы говорится о необходимости адаптации норм, регулирующих традиционный договор аренды, к самостоятельным трехсторонним отношениям. Слова "нуждаются в адаптации к самостоятельным трехсторонним отношениям" были внесены в текст проекта на второй сессии правительственных экспертов вместо слов "не пригодны". Такое изменение вызвало серьезные возражения. Совершенно обоснованно отмечалось, что формулировка "не пригодны" гораздо лучше отвечает общей концепции лизинга как отношений *sui generis*. В данном случае — "нуждаются в адаптации" — акцент несколько смещается, можно сделать вывод о возможности адаптации норм, регулирующих договор аренды, к лизингу. Несмотря на споры, в Конвенции осталась именно эта формулировка. Статья 1 закрепляет неразрывную связь договоров — купли-продажи и лизинга: пользователь должен одобрить условия первого договора, поставщик должен быть уведомлен о существовании или о намерении заключить второй. Представляет интерес пункт 3 статьи 1:

*"3. Настоящая Конвенция применяется независимо от того, есть ли у арендатора или приобретет или нет арендатор впоследствии право купить оборудование или продолжить пользоваться им на условиях лизинга в последующий период, и независимо от того, уплачиваются или нет номинальная цена или периодические платежи"*⁶.

Во многих странах обязательной характеристикой лизинга должен быть опцион (право) на покупку оборудования пользователем по окончании срока договора. Однако в не меньшем числе стран включение опциона на покупку превращает лизинг в условную продажу⁷. Как следствие, в Конвенции опцион не рассматривается как определяющая характеристика лизинга. Конвенция применяется независимо от наличия или отсутствия опциона на покупку и независимо от его цены — номинальной или нет (это обстоятельство также в некоторых странах влияет на определение природы сделки).

Статья 3 Конвенции определяет ее действие в пространстве:

"1. Настоящая Конвенция применяется, когда коммерческие предприятия арендодателя и арендатора находятся в разных государствах и при этом:

а) эти государства, а также государство, в котором поставщик имеет свое коммерческое предприятие, являются Договаривающимися государствами; или

б) как договор поставки, так и договор лизинга регулируются правом одного из Договаривающихся государств.

*2. Ссылка в настоящей Конвенции на коммерческое предприятие стороны, если она имеет более чем одно коммерческое предприятие, означает то коммерческое предприятие, которое в наибольшей степени связано с соответствующим договором и его исполнением с учетом известных сторонам обстоятельств или предполагаемых ими в тот или иной момент до заключения или при заключении данного договора"*⁸.

В лизинге участвуют как минимум три организации, и необходимо было решить, что же взять за точку отсчета при определении международного характера лизинга, что, в свою очередь, приводит к применению или неприменению Конвенции. Вопросы о местонахождении всех трех участников в разных странах или только в двух, и каких — сторон договора купли-продажи или лизинга — нуждались в ответе. В конечном итоге в качестве критерия определения международного характера сделки было взято местонахождение сторон договора лизинга. Это означает, что поставщик может находиться как в одном из двух государств, где расположены лизингодатель или пользователь, так и в третьем; важно только, чтобы такое государство было участником Конвенции или чтобы договор поставки регулировался правом Договаривающегося государства. Статья 4 затрагивает сложную правовую проблему, возникающую при присоединении оборудования, взятого в лизинг, к недвижимости:

"1. Положения настоящей Конвенции не перестанут применяться только из-за того, что оборудование стало принадлежностью земельного участка или было присоединено к земельному участку.

*2. Вопрос о том, стало или нет оборудование принадлежностью земельного участка или было присоединено к земельному участку, и возникающие в связи с этим обоюдные правовые последствия для арендодателя и обладателя вещных прав на данный земельный участок регулируются законом государства местонахождения этого земельного участка"*⁹.

Одно из предложений сводилось к тому, что лизингодатель вправе отделить свое оборудование от недвижимости (земли, в частности), возместив убытки, вызванные таким отделением. Такая необходимость может возникнуть у лизингодателя в случае банкротства пользователя, когда первый вправе забрать свое оборудование. Но в большинстве стран континентального права связанные с недвижимостью права имеют преимущество перед правами, связанными с недвижимостью, и представители этих стран задавались вопросом, насколько целесообразно отказываться или радикально менять основные положения внутреннего права ради лизинга. В результате был найден компромисс,

который выражен в статье 6 проекта: вопрос о том, стало ли оборудование принадлежностью недвижимости или нет, решается в соответствии с правом государства, где находится недвижимость (земля), но оказался незагнанным вопрос о применении к такой ситуации Конвенции. В окончательном тексте (ст. 4) авторы оговорили, что Конвенция применяется и в случае, если оборудование становится принадлежностью, составной частью недвижимости. Были разногласия и относительно статьи 5, где речь идет об обязательном или необязательном действии Конвенции. Основные споры сводились к следующему: делать ли все положения Конвенции диспозитивными или какая-то часть положений должна быть обязательной всегда и стороны не могут их исключить. В проекте был зафиксирован компромисс: "Конвенция не будет применяться, если ее применение исключено положениями либо договора поставки либо договора лизинга". Такая формулировка вызвала справедливые нарекания. Сразу же возникает вопрос: как быть, если применение Конвенции исключено одним договором и не исключено другим. Это было учтено, и в окончательном тексте Конвенции вместо "или" стоит "и", т. е. применение Конвенции исключается, если есть соответствующая договоренность в обоих договорах.

Вторая глава Конвенции "Права и обязанности сторон" открывается статьей 7, в которой затрагивается несколько правовых проблем: регистрация лизинга, оповещение третьих лиц о действительном собственнике оборудования, взаимоотношения лизингодателя с кредиторами пользователя в случае банкротства последнего. Выше уже было упомянуто о сложности уведомления третьих лиц (в первую очередь — кредиторов пользователя) о действительном собственнике оборудования. Это особенно важно в двух ситуациях:

— при продаже пользователем оборудования добросовестному покупателю;

— банкротстве пользователя.

В первом случае в странах "общего права" и континентального права действуют прямо противоположные принципы. В англо-американском праве действует принцип *nemo dat quod non habet*, в соответствии с которым пользователь не может передать добросовестному покупателю право собственности, которым не обладает сам, и лизингодатель вправе истребовать оборудование у такого покупателя¹⁰. В континентальном праве добросовестный покупатель приобретает правовой титул на имущество, поскольку владение приравнивается к правооснованию, хотя из этого принципа известно множество исключений. Включение одного из этих принципов в международную конвенцию может привести к тому, что либо большая группа стран не сможет ее применять, либо в них придется изменять один из основных правовых принципов. В такой ситуации было предложено несколько вариантов решения. Наиболее простое — введение системы уведомления, однако в настоящее время такая система действует в ограниченном количестве стран, поэтому введение такого положения в Конвенцию могло бы существенно ограничить сферу ее применения. Одно из предложений сводилось к следующему: если в стране нахождения основного предприятия пользователя действуют определенные требования об уведомлении о сделках финансового лизинга, то право собственности лизингодателя будет действительным в отношении третьих лиц только в случае соблюдения этих правил. Если же в

стране нахождения основного предприятия пользователя таких требований нет, то право собственности лизингодателя в споре с третьими лицами признается автоматически. Это предложение вызвало серьезные возражения со стороны представителей стран "общего права". В конечном итоге, эксперты пришли к выводу, что они не смогут найти приемлемое для всех решение. К тому же, по их мнению, случаи неправомерного отчуждения пользователем оборудования третьим лицам будут редки и их регулирование можно оставить за национальным правом.

Ситуация с банкротством пользователя более реальна, она должна быть отражена в международной Конвенции. Тем самым, авторы Конвенции существенно сузили проблему уведомления и приоритета лизингодателя перед правами третьих лиц. Из всей группы возможных третьих лиц выделяется управляющий конкурсной массой при банкротстве пользователя, а также кредиторы последнего. Серьезные размышления потребовались для решения вопроса о применимом праве в отношении требований об уведомлении. Еще на раннем этапе подготовки документа авторы сочли привязку *lex rei sitae* не совсем подходящей, поскольку чаще всего речь идет не просто о движимом имуществе, а об имуществе, легко и часто перевозимом из одной страны в другую (например, строительное оборудование). Было принято, что для решения вопросов титула на имущество и его приоритета перед правами третьих лиц более логичной будет привязка к праву страны местонахождения основного предприятия пользователя. В поисках наиболее удачного варианта изучались национальные законодательства (в частности, ЕТК США, французский указ об уведомлении о финансовом лизинге 1972 г. и др.), в каждом из которых предлагается свое решение. Проанализировав отдельные их элементы, авторы Конвенции ввели в ее текст несколько привязок в зависимости от оборудования. В отношении такого специфического оборудования, как суда и самолеты, которые независимо от лизинга подлежат регистрации, применимое право определяется как право страны регистрации; в отношении оборудования, используемого более чем в одном государстве (эта формулировка заменила справедливо критиковавшееся определение "другое движимое имущество", поскольку во всех случаях речь идет о движимом имуществе), — право страны нахождения основного предприятия пользователя; во всех остальных случаях — право страны нахождения оборудования.

В статье 8 говорится:

"1. а) Если иное не оговорено в настоящей Конвенции или договоре лизинга, арендодатель освобождается от всякой ответственности перед арендатором в отношении оборудования, кроме случаев, когда арендатору причинены убытки вследствие того, что он полагался на опыт и суждение арендодателя, и вследствие вменяемости последнего в выбор поставщика или спецификаций оборудования.

б) Арендодатель освобождается в своем качестве арендодателя от ответственности в отношении третьих лиц в случае причинения оборудованием вреда их жизни, здоровью или имуществу.

в) Вышеприведенные положения настоящего пункта не распространяются на ответственность арендодателя, выступающего в каком-либо ином качестве, например, в качестве собственника.

2. *Арендодатель гарантирует, что спокойное владение арендатора не будет нарушено лицом, имеющим преимущественный титул или право или заявляющим по преимущественному титулу или праву и действующим по уполномочию суда, если только такой титул, право или претензия не являются результатом действия или упущения арендатора.*

3. *Стороны не могут отступить от положений предыдущего пункта или вносить изменения в их последствия постольку, поскольку преимущественный титул, право или претензия являются результатом умышленного действия, грубой небрежности или упущения арендодателя.*

4. *Положения пунктов 2 и 3 настоящей статьи не ущемляют другие более широкие гарантийные обязательства арендодателя в отношении спокойного владения, когда это является обязательным в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права"¹¹.*

В данной статье Конвенции нашло свое отражение одно из важнейших положений лизинга: лизингодатель, собственник оборудования, не несет ответственности за ущерб, не возмещает убытки, причиненные этим оборудованием, ни пользователю, ни третьим лицам. Пункт 1 необходимо рассматривать совместно с пунктом 2 статьи 1, который гласит, что пользователь сам выбирает оборудование и пользователя. Поскольку пользователь совершенно свободен в своем выборе, всю ответственность за дальнейшее (в частности, за ущерб, причиненный оборудованием) он берет на себя. Однако если он в какой-то мере или степени действовал по совету лизингодателя, то в этой мере или степени на последнего переходит ответственность за оборудование. В этой конструкции проявляется одна из основных особенностей лизинга: собственник оборудования — лизингодатель — никакого отношения ни к его выбору, ни к его приобретению не имеет. Без такой оговорки лизингодатель, оставаясь юридическим собственником, оказался бы адресатом всех претензий, связанных с оборудованием. Это положение Конвенции закрепило широко распространенную практику освобождения лизингодателя от ответственности. Необходимо подчеркнуть, что он освобождается от ответственности, лишь выступая в качестве лизингодателя, другие случаи — выступление в качестве собственника или в каком-либо ином качестве — этой статьей не затрагиваются. В пункте 2 статьи 8 речь идет об обязанности лизингодателя обеспечить пользователю спокойное владение оборудованием. Авторы Конвенции не сразу пришли к единому мнению по этому вопросу. Диапазон предложений был достаточно широк — от полного отрицания ответственности лизингодателя за нарушение спокойного владения до признания его ответственности за все случаи нарушения. В конечном итоге остановились на золотой середине — лизингодатель ответственен за нарушение спокойного владения в случае, если лицо, предъявляющее какие-либо требования в отношении оборудования и доказывающее свое преимущественное право, уполномочено судом. Это конвенциональное положение не согласуется с юридической практикой ряда стран (например, Российской Федерации, где такая ответственность ограничена более широкими рамками). Для преодоления данного противоречия Конвенцией предусмотрена возможность при присоединении к ней стран с более строгой ответственностью делать оговор-

ку о применении норм своего национального права. А именно: при присоединении к Конвенции любому государству разрешается сделать заявление о замене пункта 3 статьи 8, касающейся ответственности арендодателя, положениями своего законодательства. Для обеспечения прав собственника имущества на лизингополучателя налагается обязанность использовать объект лизинга в строго определенных соглашениями целях, поддерживать его в состоянии, в котором оно было предоставлено с учетом нормального морального и физического старения. Пользователь обязан своевременно и в полном объеме по согласованному графику производить лизинговые платежи. При нарушении лизингополучателем своих обязанностей собственник имущества вправе требовать получения причитающихся ему платежей и возмещения нанесенного из-за несоблюдения договора ущерба. В некоторых определенных договором случаях он может аннулировать соглашение. Защищая имущественные права другой стороны — лизингополучателя, Конвенция возложила на собственника имущества всю полноту ответственности, если обнаружится, что какое-либо третье лицо обладает особым, преимущественным по сравнению с пользователем, правом на имущество. Исключение составляет случай, если последнее стало возможным в результате действий самого пользователя.

Статья 10, так же, как и статья 8, принципиально важна для понимания лизинга как трехсторонней сделки:

"1. Обязанности поставщика по договору поставки распространяются и в отношении арендатора, как если бы последний являлся стороной такого договора, а оборудование поставлялось непосредственно ему. Однако поставщик не несет ответственности одновременно перед арендодателем и арендатором за один и тот же ущерб.

2. Ничто в настоящей статье не дает арендатору права прекратить действие договора поставки или аннулировать договор поставки без согласия арендодателя"¹².

Эта статья развивает пункт 1 статьи 8: если в последней говорится о том, что лизингодатель не несет ответственности за оборудование перед пользователем, то статья 10 уточняет, что ответственность за оборудование несет поставщик, как если бы он и пользователь выступали сторонами договора поставки. Авторы Конвенции далеко не сразу пришли к такому решению. Обсуждались различные варианты, используемые в законодательстве и практике разных стран. Основной недостаток многих вариантов заключался в том, что пользователь имеет право не непосредственно взыскивать убытки с поставщика, а опосредованно, будучи цессионарием лизингодателя. В результате размер убытков, которые может взыскать пользователь, ограничивается размером убытков, понесенных лизингодателем. На практике убытки лизингодателя и пользователя могут существенно различаться, и пользователь оказывается в невыгодном положении. Предложение о включении права пользователя непосредственно обращаться с претензиями к поставщику не сразу было одобрено прательственными экспертами. Некоторые из них полагают, что тот же результат может быть достигнут известными правовыми способами — переуступкой лизингодателем пользователю своих прав по договору поставки. В ряде стран, в частности в ФРГ и Австрии, дей-

ствуется принцип *Dritschadenliquidation*, в соответствии с которым одна сторона договора может взыскать с другой убытки, которые понесло третье лицо, не являющееся стороной договора, в результате его действия¹³. Однако, во-первых, такие или подобные инструкции известны далеко не во всех странах, во-вторых, данное решение, как уже отмечалось, не всегда дает возможность пользователю взыскивать все понесенные убытки и, в-третьих, далеко не все права лизингодателя может передать пользователю. Например, не может быть передано право прекратить договор поставки, следовательно, появляется необходимость определять, какие права передаются, по какому критерию они отбираются и пр. Все это достаточно проблематично. Результатом многих обсуждений и размышлений стало решение, приведенное в пункте 1 статьи 10. Сохранялась опасность предъявления поставщику двух одинаковых претензий от пользователя и лизингодателя. Предлагаюсь следующее:

- лизингодатель и пользователь должны объединиться при предъявлении претензии;
- лизингодатель не вправе предъявлять претензии, если пользователь уже это сделал, и др.

Эти предложения не набрали большинства голосов и в статью 10 была включена фраза: "поставщик не будет нести ответственности одновременно перед лизингодателем и пользователем за один и тот же ущерб". Пункт 2 статьи 10 уточняет права пользователя, который не вправе непосредственно вмешиваться в договорные отношения между поставщиком и лизингодателем. Авторы Конвенции записали, что пользователь не вправе прекращать или расторгать договор о поставке без согласия лизингодателя. Пользователь не только может предъявлять претензии поставщику, но и обладает определенными средствами правовой защиты и против лизингодателя, что зафиксировано в статье 12:

"1. В случае, если оборудование не поставлено или поставлено с просрочкой или не соответствует условиям договора поставки:

а) арендатор имеет в отношении арендодателя право отказаться от оборудования или расторгнуть договор лизинга; и

б) арендодатель имеет право исправить свое ненадлежащее исполнение, предложив оборудование, соответствующее договору поставки, как если бы арендатор дал согласие купить оборудование у арендодателя на тех же условиях, что содержатся в договоре поставки.

2. Право, предусмотренное предыдущим пунктом, осуществляется таким же образом и утрачивается при тех же обстоятельствах, которые существовали бы, если бы арендатор дал согласие купить оборудование у арендодателя на тех же условиях, что и в договоре поставки.

3. Арендатор вправе приостановить периодические платежи, подлежащие уплате по договору лизинга, до тех пор, пока арендодатель не исправит своего ненадлежащего исполнения, предложив оборудование, соответствующее договору поставки, или пока арендатор не утратил право на отказ от оборудования.

4. При осуществлении арендатором права расторгнуть договор лизинга он вправе получить обратно любые периодические платежи и другие суммы, выплаченные им авансом, за вычетом разумной стоимости тех выгод, которые арендатор извлек из оборудования.

5. Арендатор не вправе предъявлять арендодателю никаких других претензий за непоставку, просрочку в поставке или поставку несоответствующего условиям договора оборудования, если только это не явилось результатом действия или упущения арендодателя.

6. Ничто в настоящей статье не затрагивает прав арендатора в отношении поставщика, предусмотренных статьей 10"¹⁴.

Как правило, вопросы, затронутые в статье 12, подробно регламентируются условиями договора лизинга. Если в статьях 10—12 речь идет об ответственности лизингодателя и поставщика за нарушение своих договорных обязательств, то в статье 13 излагаются последствия нарушения условий договора пользователем. Оговаривается различие между нарушением и существенным нарушением договора пользователем. В первом случае лизингодатель вправе потребовать выплаты невыплаченных периодических платежей, во втором — прекращения договора лизинга. Вместе с тем Конвенция не дает определения "существенного" и "несущественного" нарушения договора, оставляя это сторонам. Таким образом, условия прекращения договора не везде одинаковы: одно и то же действие пользователя в одних случаях будет приводить к прекращению контракта, в других — нет. Конвенция в этом случае абсолютно "не связывает рук" участникам лизинговой сделки.

Статья 14 регулирует возможность передачи лизингодателем или пользователем своих прав по договору лизинга:

"1. Арендодатель вправе передать все принадлежащие ему права на оборудование либо права, которыми он наделен по договору лизинга, или часть этих прав, или иным образом распорядиться всеми принадлежащими ему правами на оборудование либо правами, которыми он наделен по договору лизинга, или частью этих прав. Такая передача не освобождает арендодателя от выполнения каких-либо из его обязательств по договору лизинга и не изменяет характер договора лизинга или его правовой режим, установленный настоящей Конвенцией.

2. Арендатор вправе передать право пользования оборудованием или любые другие свои права по договору лизинга только с согласия арендодателя на такую передачу и при соблюдении прав третьих лиц"¹⁵.

Основной целью введения в Конвенцию пункта 1 статьи 14 было желание охватить такой вид лизинга, как "лэвведж-лизинг". Поскольку в этой разновидности лизинговой сделки участвует много организаций (во всяком случае, больше трех), а пункт 1 статьи 1 Конвенции говорит о трехсторонней сделке, то этот вид лизинга мог оказаться вне сферы Конвенции. При "лэвведж-лизинге" лизингодатель, оставаясь собственником оборудования, вкладывает в него лишь часть стоимости; остальную часть он занимает в банке или иной финансовой организации, передавая им взамен в качестве гарантии право получения периодических платежей от пользователя. В результате такой передачи пользователь и получатель платежей могут оказаться в одном государстве; это могло бы привести к изъятию данной сделки из сферы действия Конвенции. Такое ограничение было бы очень нежелательно, поскольку во многих странах "лэвведж-лизинг" достаточ-

но широко распространен и его популярность постоянно растет. Устраняя такую возможность, авторы Конвенции записали, что любая передача лизингодателем своих прав по договору лизинга не меняет природы этого договора и не влияет на его регулирование. То есть, если до передачи прав лизинг должен был регулироваться данной Конвенцией в результате пребывания пользователя и лизингодателя в разных странах, то и после передачи прав к таким отношениям продолжает применяться Конвенция. Справедливо и обратное: если к отношениям между лизингодателем и пользователем не должна применяться Конвенция (их основные предприятия находятся в одном государстве), то и после передачи лизингодателем своих прав по договору займа, находящемуся за границей, она применяться не будет. Конвенция подробно не регулирует условия передачи лизингодателем своих прав, полагаясь на правильное составление договоров. Заключение положений Конвенции во многом совпадают с соответствующими положениями других международных Конвенций. Статья 17, так же, как и статья 90 Венской конвенции о международной купле-продаже 1980 г., устанавливает, что Конвенция не затрагивает какие-либо иные международные соглашения по аналогичным вопросам, участниками которых

являются или могут стать стороны Конвенции о финансовом лизинге.

В итоге хотелось бы отметить, что разработка такого приемлемого для всех стран, культивирующих лизинговые сделки, свода юридических правил и принципов была чрезвычайно необходима. Эта необходимость диктовалась самим масштабом распространения международных лизинговых сделок, участием в них отдельных сторон, лиц, функционировавших в рамках своих собственных национальных юридических условий, и отсутствием единого, согласованного с законодательством отдельных стран, свода правовых требований по осуществлению и регулированию таких сделок. Такая правовая неопределенность не могла продолжаться долго, поскольку сама суть лизинговой сделки предполагает сложное сочетание правовых (собственности, владения, распоряжения, ответственности, рисков, страхования) и финансово-экономических (платности, возвратности, срочности, гарантий) вопросов. Конвенция была призвана снять те сложности, которые могут возникнуть при осуществлении международного лизинга из-за попадания этих операций под многочисленные юрисдикции нескольких стран одновременно. И надо отметить, что с поставленной задачей она успешно справилась.

¹ Хойер В. Лизинговый бизнес. М., 1990. С. 23.

² Киселев И. Б. Лизинг: практика становления // Деньги и кредит. 1991. № 1. С. 14.

³ Указ Президента Республики Беларусь № 352 "О присоединении Республики Беларусь к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге" // Советская Белоруссия. 1998. № 174. С. 14.

⁴ Киселев И. Б. Указ. соч. С. 14.

⁵ Конвенция УНИДРУА "О международном финансовом лизинге". Оттава. 26 мая 1988г. // НЦПИ. Рег. № 28244.

⁶ Там же.

⁷ Балтус П., Майджер Б. Школа европейского лизинга / Под ред. В. Штерна. М., 1995. С. 94—95.

⁸ Конвенция УНИДРУА "О международном финансовом лизинге". Оттава. 26 мая 1988г. // НЦПИ. Рег. № 28244.

⁹ Там же.

¹⁰ Шарп У., Александер Г., Бейли Дж. Инвестиции. Мн., 1996. С. 51.

¹¹ Конвенция УНИДРУА "О международном финансовом лизинге". Оттава. 26 мая 1988г. // НЦПИ. Рег. № 28244.

¹² Там же.

¹³ Шарп У., Александер Г., Бейли Дж. Указ. соч. С. 93.

¹⁴ Конвенция УНИДРУА "О международном финансовом лизинге". Оттава. 26 мая 1988г. // НЦПИ. Рег. № 28244.

¹⁵ Там же.

SUMMARY

"International Unification of Financial Leasing" (Andrey Kolesinsky)

The complexity of international leasing consists in its being affected by a number of currency, customs, tax and other rules of state regulation not only of the country of origin but also of the country of the co-signatory. The scope of the spread of international leasing deals and participation therein of parties operating within the frameworks of their own legislations dictated the necessity of establishing the unified code of legal requirements for concluding and regulating such transactions, the code which would be coordinated with domestic legislations of separate countries. In order to eliminate the existing obstacles and make the code more assessable a numerous group for elaboration of the unified code of rules of international financial leasing application was set up within the framework of the International Institute on private law unification in 1974. The development of the convention took into account the existing national legislations; however, it was designed with the view of its becoming in its turn the basis for further legislation. Fourteen years of work of a number of specialists from different countries and international organisations resulted in adopting the UNIDRUА Ottawa Convention "On International Financial Leasing".

The present paper makes an attempt to reveal the process of designing the convention document and to focus on some points which might present some interest for the reader.